

DOI 10.15293/1813-4718.2103.01

УДК 372.016:811.111*40

Везнер Ирина Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет, vezneri@mail.ru, ORCID 0000-0002-1281-1236, Новосибирск

Лисица Инна Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Новосибирский государственный педагогический университет, foxinna@mail.ru, ORCID 0000-0002-8899-9423, Новосибирск

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСВЕРБАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ КАУЗАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ *HAVE SOMETHING DONE*

Аннотация. Постановка проблемы. Формирование профессионального переводческого мышления является неотъемлемой частью совершенствования переводческой компетенции выпускника факультета иностранных языков. Выполнение эквивалентного и адекватного перевода с английского на русский язык требует системного подхода в вопросах преодоления грамматических трудностей, связанных, в первую очередь, с передачей не имеющих аналогов в языке-реципиенте конструкций, к которым принадлежат побудительные конструкции каузативной семантики.

Цель статьи заключается в разработке прототипической модели функционирования безэквивалентной конструкции английского языка *have something done* с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы в аспекте её трансвербализации и переводческой лингводидактики.

Методологическую основу исследования составляет применение прототипического моделирования, которое предполагает воссоздание первичной когнитивно-интерпретационной модели ситуации речеупотребления, в которой данная конструкция реализует своё значение в наиболее полном виде, что позволяет интерпретировать и адекватно переводить многие случаи её непрототипического речеупотребления.

Результаты исследования. Прототипическими ситуациями речеупотребления конструкции *have something done* являются контексты, связанные с описанием природных явлений и стихийных бедствий, следовательно, при трансвербализации предложений с данной конструкцией стратегия должна быть направлена на обязательное сохранение семантики неагентивности.

В заключении отмечается целесообразность применения разработанного подхода при совершенствовании навыков критического анализа и рефлексивной деятельности обучающихся в процессе трансвербализации и поиске переводческого коррелята (трансверба).

Ключевые слова: переводческая лингводидактика, трансвербализация, каузативная семантика, конструкция *have something done*, переводческая компетенция, прототипическое моделирование, прототипическое речеупотребление, непрототипическое речеупотребление, трансверб.

Введение. Постановка проблемы. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования для программ бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика, утвержденному 12.08.2020 г.

(<http://fgosvo.ru>), первой универсальной компетенцией (УК-1) выпускника является способность подвергать критическому анализу и синтезу информацию на основе системного подхода к решению поставленных задач. Для будущего переводчика данная УК является ключевой при овладении навыками перевода, когда учащиеся сталкиваются с грамматическими трудностями, к которым, в первую очередь, относятся безэквивалентные грамматические формы и конструкции. Одной из таких конструкций является *have something (smth) done*, иначе *have + object + past participle II*, которую традиционно относят к каузативным.

Действительно, требования к результатам освоения программы бакалавриата отвечают вызовам современности и устанавливают высокий уровень сформированности профессиональной переводческой компетенции, под которой мы, вслед за В. Н. Комиссаровым, подразумеваем многоаспектное понятие, включающее в себя такие виды компетенций, как: языковая, текстообразующая, коммуникативная, техническая компетенции и определенные личностные характеристики [15, с. 332–336]. При этом развитие данной компетенции предполагает не просто наличие лингвистических знаний о системе языка и закономерностях его функционирования, но и овладение алгоритмом анализа исходного текста [20], формирование профессионального переводческого мышления [12], совершенствование навыков внутриязыкового перевода [18]. Кроме того, необходимо учитывать и региональную специфику профессиональной компетенции переводчика, т. к. ему принадлежит роль медиатора в акте коммуникации между обладателями различных способов видения мира [23].

В работах лингвистов по грамматике и переводоведению данная конструкция преимущественно рассматривается с позиций структуралистского подхода, в связи с чем её семантико-функциональный потенциал остаётся вне поля зрения исследо-

вателей.

В связи с этим целью настоящего исследования является разработка прототипической модели функционирования данной конструкции с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы в аспекте её трансвербализации [6–9] и переводческой лингводидактики.

Преимуществом прототипического моделирования является тот факт, что оно позволяет раскрыть семантико-функциональный потенциал любой грамматической формы или конструкции, реализующийся как в прототипической (стандартной), так и непрототипической (нестандартной) ситуациях речеупотребления, и поэтому имеет лингводидактическую значимость.

Обзор научной литературы по проблеме. Функционально-семантическая категория каузативности в настоящий момент не имеет однозначной интерпретации в научных трудах. Так, например, В. Ш. Арсланов считает возможным выделить категорию каузативности в самостоятельную наряду с другими грамматическими категориями английского глагола [1, с. 23]. Особенности английских каузативных конструкций рассматриваются также в работах Л. В. Михайлюкова [17], Ю. В. Тершиной [21–22], А. Stefanowitsch [27].

Л. М. Ковалева включает в концепт каузальности в английском языке следующие признаки:

1) *каузация физическим действием*, или иницирующая каузация, когда субъект 1 в позиции подлежащего преднамеренно иницирует действие субъекта 2;

2) *непреднамеренная (нечаянная) каузация*, когда конструкция несет семантику «допущения» события, как правило, нежелательного характера для субъекта 1;

3) *пермиссивная каузация*, при которой субъект 1 не препятствует совершению действия, хотя это в его власти и, более того, интересах [13, с. 97]. При этом автор подчеркивает, что концепт каузальности недостаточно четок, и, возможно, суще-

ствуется еще ряд признаков, способных создавать прототипические эффекты.

Н. Ю. Бессонов обращается к вопросу сопоставительного анализа семантических особенностей каузативных глаголов-связок [5]. Автор проводит детальный анализ английских конструкций с каузативными связочными глаголами, к которым относится конструкция *have something done*, отмечая, что конструкции с глаголом *have* отличаются более широким набором средств выражения каузирующего состояния, при этом конструкции с Participle I и Praticiple II являются менее частотными и составили только 20 % примеров в материале исследования [4, с. 149]. На основании семантического критерия Н. Ю. Бессонов выделяет следующие группы: агенс каузирует адресат находится в определенном состоянии; агенс каузирует адресат выполнить действие независимо от желания/нежелания адресата; агенс запрещает адресату выполнить действие. Таким образом, глагол-связка *have* употребляется в ситуации каузации действия с компонентом «намеренное убеждение» [4, с. 146].

Ю. В. Баклагова рассматривает особенности предикатно-аргументной структуры каузативной конструкции *have something done*, при этом в основе лежат три параметра, которые моделируют каузативную ситуацию. Во-первых, это набор семантических ролей, которые обуславливают употребление предиката в конкретном контексте. Во-вторых, во внимание следует принять качественные характеристики аргументов. Третьим компонентом анализа следует признать определение способа каузации, который может быть контактным или дистантным. Автор придерживается традиционной точки зрения, согласно которой существует две возможные интерпретации значения конструкции *have something done*. В ходе исследования Ю. В. Баклагова приходит к выводу о том, что если «аргументная структура анализируемой конструкции состоит из каузатора,

агенса и пациенса, то таксономической категорией будет действие. В противном случае в конструкцию войдут бенефактив и пациенс, каузатор будет выражен имплицитно» [2, с. 291].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в научных работах конструкция *have + object + past participle* в основном рассматривается с точки зрения анализа ее структурных компонентов и категориальной семантики, при этом не учитывается употребление данной конструкции в различных типах дискурса, что играет решающую роль при выборе стратегии её передачи на русский язык.

Для разъяснения семантической составляющей анализируемой каузативной конструкции обратимся к учебникам английской грамматики и справочникам. А. J. Thomson и А. V. Martinet указывают на два случая употребления конструкции *have + object + past participle*. В первом случае субъект нанимает кого-то для выполнения определенного действия. Второй случай – это замена глагола в страдательном залоге, как правило, для указания на событие нежелательного характера, несчастный случай, при этом на месте подлежащего может стоять неодушевленное существительное, например: *The houses had their roofs ripped off by the gale* [28, с. 122]. Авторы указывают на употребление конструкции в данном значении преимущественно в разговорном стиле, что свидетельствует о её функциональной природе.

Согласно позиции R. Side и G. Wellman, определить причинно-следственные связи в предложениях с *have + object + past participle* иногда не представляется возможным вне контекста. Так, *They had their fence pulled down* можно интерпретировать как заказ на данный вид работы, так и как результат стихийного бедствия или действия вандалов [26, с. 38].

L. G. Alexander придерживается точки зрения, что характерной чертой, объединяющей каузативную конструкцию с пассив-

ным залогом, является тот факт, что иногда неважно/неизвестно, кто выполняет действие. Однако существенным отличием здесь можно считать активную позицию каузатора. Кроме упомянутых выше значений, согласно мнению автора, конструкция *have + object + past participle* может заменять глагол «позволить» или употребляться в значении «иметь определенный опыт», при этом не обязательно отрицательный [24, с. 247–248].

Современные словари английского языка (www.oxfordlearnersdictionaries.com, dictionary.cambridge.org, www.ldoceonline.com, www.macmillandictionary.com) называют всего два случая употребления конструкции *have + object + past participle*: в первом случае субъект инициирует определенное действие, во втором страдает от последствий нежелательного происшествия.

Тем не менее практические занятия по грамматике и теории и практике перевода со студентами факультета иностранных языков НГПУ позволяют авторам данной статьи говорить о том, что эта конструкция может употребляться и в других значениях, при этом вызывая значительные трудности её передачи на русский язык.

Традиционно, исследователи указывают на тот факт, что каузативные (побудительные) конструкции английского языка не имеют русских аналогов. Так, Я. И. Рецкер относит синтаксические комплексы, содержащие глагол-сказуемое, дополнение и третий элемент («объектный предикативный член») к «трехэлементным словосочетаниям», или, иначе, сложным дополнениям, при этом характер и степень побуждения находятся в непосредственной зависимости как от каузативного глагола, так и от окружающего контекста. Контексту принадлежит решающая роль в определении способа передачи таких предложений с английского на русский язык. Более того, в некоторых случаях отдельное выражение каузативности может стать излишним

[19, с. 86–87].

Данное предположение находит критику в работах А. Г. Минченкова, который считает, что подобное переводческое решение не имеет объективного обоснования, т. к. приходится принимать на веру эквивалентность полученного варианта. В свою очередь, А. Г. Минченков предлагает решение проблемы перевода данного типа конструкций в рамках «когнитивно-эвристической модели, включающей когнитивный поиск, рекомбинацию смыслов и поиск средства выражения, включающего автокоррекцию» [16, с. 13].

В работе В. Н. Комиссарова и соавторов побудительные конструкции классифицированы в зависимости от характера глагола-сказуемого, а именно его принадлежности к группе каузативных или некаузативных глаголов, при этом рассматриваемая в данной статье конструкция *have + object + past participle* определена авторами в третьей, промежуточную группу, т. к. каузативность присутствует, но выражена менее четко. Задача переводчика – удостовериться в том, что перевод ситуационно четко передает значение конструкции, применив прием изменения структуры предложения, смысловой конкретизации или контекстуальной замены. При этом определенный алгоритм действий не предлагается [41, с. 125–129].

Е. П. Баяртуева и Е. М. Тимофеева относят прототипическую аналитическую конструкцию *have + object + past participle* к первичной форме выражения каузации и рекомендуют применить при переводе на русский язык синтаксическую трансформацию, результатом которой будет простое неопределенно-личное предложение со сказуемым в форме множественного числа. При данной трансформации субъект действия останется имплицитным [3, с. 16].

Таким образом, обзор литературы показывает, что семантико-функциональный потенциал английской конструкции *have smth. done* в аспекте трансвербализации не находит должного освещения, что, на наш

взгляд, ограничивает её прикладное значение как для обучения грамматике, так и для переводческой деятельности.

Методология и методы исследования. Изучив обширный корпус иллюстративного материала (по нашим наблюдениям, конструкция имеет высокую частотность), включающего в себя более 1500 контекстов её употребления в различных типах массмедийного дискурса, художественном дискурсе, а также данные англоязычных корпусов, мы пришли к выводу, что в свете коммуникативно-деятельностной парадигмы целесообразным является описывать её семантико-функциональный потенциал в терминах прототипического моделирования [10; 11].

Такое моделирование предполагает воссоздание первичной когнитивно-интерпретационной модели ситуации речеупотребления, в которой данная конструкция реализует своё значение в наиболее полном и чистом виде; это позволяет интерпретировать множество других признаков её непрототипического (нестандартного) речеупотребления.

Другими словами, это такие условия, в которых актуализирован весь набор исходных облигаторных признаков конструкции (формы, языковой единицы) без привлечения каких-либо дополнительных признаков. Модель прототипического речеупотребления включает в себя когнитивные признаки, выражаемые словарными значениями языковой единицы (формы, конструкции).

Для выявления семантических признаков, лежащих в основе прототипического и непрототипического употреблений конструкции *have smth. done*, а также этноспецифических компонентов её семантики авторами применялись дефиниционный и лингвокультурологический анализы.

Когнитивно-дискурсивный анализ в настоящем исследовании используется для описания когнитивных оснований функционирования рассматриваемой конструкции

в различных типах дискурса.

Результаты исследования, обсуждение. Как показывают наблюдения, семантической диапазон английской конструкции *have smth. done* не ограничивается значениями, указанными в словарях и справочной литературе, поскольку, употребляясь достаточно широко в различных типах дискурса, её семантика находит своё дальнейшее развитие и переосмысление в зависимости от ситуации речеупотребления. В этой связи авторами в рамках данного исследования разработана модель прототипического речеупотребления конструкции *have smth. done*, которая может служить базой для интерпретации её нестандартных (непрототипических) значений в различных ситуациях речеупотребления.

Мы полагаем, что модель прототипического речеупотребления включает в себя опорные когнитивные признаки, выражаемые словарными значениями языковой единицы (формы, конструкции), которые и составляют её смысловую доминанту. Поскольку эти признаки носят облигаторный статус, они позволяют верифицировать семантику английской конструкции *have smth. done* и отличать её от других аналогичных форм.

Приведём данные словаря:

1. We use *have* + object + *-ed* form when we talk about someone doing something for us which we ask or instruct them to do. It emphasises the process/action rather than who performs it:

We're having the house painted next week. (We are not going to paint the house ourselves. Someone else will paint it. The emphasis is on the fact that the house is being painted rather than who is doing it.)

2. We can also use *have* + object + *-ed* form when something bad happens, especially when someone is affected by an action which they did not cause:

They've had their car stolen. ('They' are affected by the action of the car being stolen but they did not cause this to happen.)

Hundreds of people had their homes destroyed by the hurricane. (Hundreds of people were affected by the hurricane, which they did not cause.) [<https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/have-something-done>]

Мы считаем, что облигаторными признаками прототипической ситуации речеупотребления данной конструкции являются те, которые связаны с описанием стихийного бедствия.

На основе словарного значения (2) нами выделены следующие признаки, которые являются репрезентантами языковой картины мира:

- 1) неагентивный субъект;
- 2) материальный объект воздействия;
- 3) первичный канал (зрительный), через который субъект воспринимает результат;
- 4) обладание результатом деструктивно-го действия;
- 5) эксплицированный универсальный каузатор (неконтролируемый производитель действия);
- 6) результат неконтролируемого действия/воздействия.

Таким образом, контексты, связанные с описанием природных явлений и стихийных бедствий, в которых полностью реализуется набор указанных признаков, мы относим к прототипическим ситуациям речеупотребления данной конструкции.

Причинно-следственные связи, формируемые в сознании человека и вербализуемые с помощью этой каузативной конструкции, имеют онтологический статус, поскольку репрезентируют стихийный характер природных явлений и не зависят от чего-либо волеизъявления.

Отметим, что основанием для рассмотрения природы в качестве универсального каузатора в языке является известный постулат о способности языка выражать три вида содержания (картин мира): универсального, этнического (коллективного), индивидуального.

Прототипическая когнитивная модель

ситуации речеупотребления, в основе которой лежат первичные (исходные) признаки, может служить базой для формирования непрототипических значений через различные способы и механизмы развития семантики (аналогии, расширения, переосмысления, перекатегоризации, метонимического переноса, семантического сдвига и др.). При прототипическом употреблении универсальный каузатор, как правило, эксплицируется в предложении или ближайшем контексте.

Под универсальным каузатором нами понимается семантический компонент «стихийные силы природы, неподвластные контролю человеком» (природные явления, ураган, землетрясение, наводнение, снегопад, засуха, ливень, сход лавин, торнадо, обледенение и т. д.).

Необходимость экспликации универсального каузатора в контекстах прототипического речеупотребления диктуется его речематическим статусом для подчёркивания значимости связанных с ним событий, явлений, фактов.

Приведём пример.

Hundreds of people had their homes destroyed by the hurricane. (Hundreds of people were affected by the hurricane, which they did not cause.) (<https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/have-something-done>)

Как правило, при переводе таких конструкций учащимися, а также редакторскими службами новостных СМИ можно встретить следующие варианты:

- 1) *Ураган разрушил дома сотен людей.*
- 2) *Дома сотен людей были разрушены ураганом (Ураганом были разрушены дома сотен людей).*

Однако семантика данных русских предложений не коррелирует с семантикой исходного предложения по следующим причинам. В обоих предложениях имеет место нарушение состава ранее указанных облигаторных признаков, которые, являясь смысловыми опорами, должны и могут

быть сохранены в переводе. В этих переводных предложениях утрачены признаки: а) «неагентивный субъект» (в оригинале «неагентивным субъектом» является подлежащая группа *hundreds of people*, в то время как в переводе она становится объектом (*сотен людей*)); б) «обладание результатом деструктивного действия» (в переводных предложениях отсутствуют средства, выражаемые в оригинале глаголом *had*). И, таким образом, смещается фокус внимания с людей как «обладателей результата воздействия стихии» на объект, что является неправомерным.

Мы полагаем, что конкурирующими трансвербами (переводческими коррелятами) для этого предложения могут являться следующие варианты:

1) *Из-за урагана остались без крова / лишились крова сотни людей.*

2) *Сотни людей остались без крова / лишились крова из-за урагана.*

3) *Из-за урагана сотни людей остались без крова / лишились крова.*

4) *Сотни людей из-за урагана остались без крова / лишились крова.*

При трансвербализации предложений с данной конструкцией стратегия должна быть направлена на обязательное сохранение семантики неагентивности, поскольку основная функция этой конструкции – передача объектных отношений (в отличие от других средств выражения аналогичного содержания).

В предлагаемых предложениях-трансвербах семантика неагентивности передаётся через категориальные значения: ср.: *Остаться* – без чего. Лишиться чего-н., перестать обладать чем-н. [<https://ushakovdictionary.ru>]. *Лишиться* – потерять, утратить кого-л., что-н. (лишиться имущества) (<https://slovarozhhegova.ru>).

Выбор идиоматических выражений *остаться без крова / лишиться крова*, с одной стороны, позволяет сохранить семантику обладания (т. е. перестать обладать чем-нибудь), с другой стороны –

является предпочтительным для публицистического стиля.

Точный же выбор варианта трансверба 1, 2, 3 или 4 будет определяться контекстуальным окружением и его тема-рематической организацией, связанной с традициями актуального членения смысла в двух лингвокультурах.

Вариант 1 будет актуальным, если предложение оригинала отвечает на вопрос *Кто остался без крова из-за урагана?*; вариант 2 – на вопрос *Из-за чего сотни людей остались без крова?*; вариант 3 – *Каковы последствия урагана для сотен людей?*; вариант 4 – *Как пострадали сотни людей из-за урагана?*

Подчеркнём, что во всех четырёх приведённых русских вариантах сохранён набор выделенных нами облигаторных исходных когнитивно-доминантных признаков.

В процессе реальной коммуникации данная конструкция употребляется говорящими в самых различных, в том числе и нестандартных ситуациях, что приводит к изменению состава и качества признаков ситуации её прототипического речепотребления, а также к существенному видоизменению её семантико-функционального потенциала, включая семантику результативности в зависимости от интенции говорящего.

В таких случаях можно говорить о непрототипическом употреблении данной конструкции, которое, на наш взгляд, наряду с прагматическими, детерминировано также жанрово-дискурсивными факторами и вербализуемой концептосферой.

Покажем на примере астрологического дискурса непрототипическую ситуацию употребления данной конструкции.

Libra Money & Career Horoscope:

Your charming wit and personality have other people floored!

(<https://www.horoscope.com/us/horoscopes/yearly/2021-horoscope-libra>)

В качестве трансверба мы предлагаем следующее предложение: *Людям не усто-*

ать перед вашим тонким остроумием и харизматичностью! Такое решение диктуется необходимостью сохранить облигаторный признак «неагентивность субъекта», который в исходном тексте совмещён с каузатором, выражаемым сочетанием *charming wit and personality*, что маркирует его непрототипический характер. Кроме того, это сочетание имеет рематический статус, и поэтому в русском предложении меняется его позиция.

Можно утверждать, что в данном предложении имеет место каузация отношения, которая формируется через оппозицию местоимений *your (personality)* и *other (people)* и косвенно побуждает к действию пустить в ход своё обаяние и остроумие (перед которыми люди не могут устоять) для достижения желаемых результатов. Выбор идиомы *не устоять перед чем-либо* нам представляется уместным, поскольку использование идиоматических средств является характерным для жанра астрологического прогноза.

Следует отметить, что (при наличии альтернативных средств выражения каузативных отношений) выбор говорящего в пользу конструкции *have smth. done* обусловлен прагматическими факторами, а именно потребностью сообщить о результате (действия, воздействия, состояния, перехода в новое качество и т. д.), обладателем которого стал «неагентивный субъект» а) в силу каких-то обстоятельств, от него не зависящих (например, стихийное бедствие); б) по своей воле (например, сфера услуг) и в) воображаемых, приписываемых неагентивному субъекту качеств и т. д. (например, в художественном дискурсе).

Отметим, что в реальной коммуникации и процессе дискурсивных практик можно увидеть много переходных случаев употребления данной конструкции, когда её семантика, подвергаясь переосмыслению, сильно усложняется и поэтому с трудом может трактоваться однозначно.

Полифункциональная природа данной

конструкции объясняется тем, что она, являясь периферийным средством выражения каузативности, в «функционально-семантическом поле каузальности (ФСП) образует в его рамках микрополе. Семантическим инвариантом этого микрополя является “причинение”, а его семантическими вариантами каузации действия, состояния, бытия, обладания, качества» [22, с. 7].

Микрополе каузативных отношений, выражаемых посредством этой конструкции, является зоной пересечения микрополей других категорий: модальности, переходности, аспектуальности, возвратности, пассивности, темпоральности, качества и т. д.

Это означает, что семантика данной конструкции может наследовать семантические признаки этих категорий, которые, актуализируясь в контексте, приобретают рематический статус в силу коммуникативной значимости, что не может не отражаться на процессе её трансвербализации.

В пользу этого утверждения говорит широкий диапазон причастий в составе этой конструкции, которые образованы от глаголов, принадлежащих к различным лексико-семантическим классам.

Приведём выявленные нами глагольные лексемы, используемые в рассматриваемой конструкции: *remove, rinse, trim, annul, arrest, change, display, pay, take, paint, reconstruct, encase, murder, recognize, strengthen, prepare, set up, map out, derail, peck, smash, book, dye, amputate, test, extend, tattoo, displace, do, eat, rip off, damage, destroy, disrupt, cut, suspend, reduce, wave, stop, dissolve, wrap, confirm, clear, part, thatch, turn into, turn out, upturn, set in, plan down, comb, pluck, clean, iron, redecorate, transfer, bring in, knock off, drop, evacuate, print, make up, starch, send up, leave, hone, floor, support, appreciate, snap, pack, pin, burn down, commute, lift, set on, blacken, grant, follow, raid, snatch, confiscate, tone down, abuse, draw up, admit, check, injure, fix, disconnect, stick, stash away, squirrel away, hide away.*

В этом перечне можно выделить группы глаголов физического действия (как деструктивные, так и конструктивные), юридических процессов, ментального действия и др., что подтверждает жанрово-дискурсивную обусловленность семантики данной конструкции и её связь с тем или иным типом концептосферы.

Возможность использования различных причастий прошедшего времени, образованных от указанных классов глаголов в составе конструкции *have smth. done*, говорит о том, что она обладает широким функционально-дискурсивным потенциалом. В этой связи на этапе интерпретационно-рецептивной деятельности в процессе обучения переводу необходимо уметь выявлять разноразличные средства её контекстуальной реализации, а также жанрово-дискурсивную специфику исходного текста, которые играют ведущую роль при выборе способа трансвербализации.

Например, английское предложение *He has his tooth removed* может иметь два трансверба: 1) *У него удалён зуб*; 2) *Ему удалили зуб*. Выбор одного из этих трансвербов диктуется типом жанра и дискурса: если предложение (1) характерно для жанров медицинского дискурса, в которых часто употребляются формы кратких причастий (например, в жанре медицинского заключения), то предложение (2) – для нарративного обиходно-разговорного дискурса.

Заключение. Научная новизна и теоретическая значимость проведённого исследова-

ния состоит в разработке, обосновании и описании модели прототипического и непрототипического функционирования конструкции *have smth. done*.

Результаты исследования могут быть использованы для корректировки и уточнения учебной литературы по практической и теоретической грамматике, теории и практике перевода. Кроме того, полученные в ходе исследования данные могут быть полезны для разработки алгоритмов компьютерного перевода. Несмотря на развитие искусственного интеллекта, лежащего в его основе, семантический диапазон данной конструкции не распознаётся автоматическими системами перевода в силу её многоаспектности и дискурсивной природы.

Выводы проведённого исследования согласуются с идеями современной лингводидактики, одной из задач которой в контексте иноязычного образования является формирование и совершенствование у обучающихся метаязыковой компетенции, оперативного знания, навыков рефлексивной деятельности как при анализе структуры языка и его системы, так и языкового творчества в смысле языковой игры в понимании Л. Витгенштейна, согласно которому на первый план выдвигаются функциональность и прототип вместо логических правил [25, с. 348].

Перспективой исследования может являться рассмотрение моделей речеупотребления данной конструкции в различных типах дискурса и выявление межъязыковых парадигм (трансвербов).

Библиографический список

1. Арсланов В. Ш. Некоторые английские каузативные конструкции и их морфологический статус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1 (54). – С. 19–23.
2. Баклагова Ю. В. Особенности предикатно-аргументной структуры каузативной конструкции *have something done* в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11-2 (89). – С. 288–291.
3. Баяртуева Е. П., Тимофеева Е. М. Особенности перевода прототипических и непрототипических каузативных конструкций с английского на русский язык // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 11. – С. 13–18.
4. Бессонов Н. Ю. Конструкции с каузатив-

ными глаголами-связками в английском и украинском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2017. – 260 с.

5. *Бессонов Н. Ю.* Вопросы теории сопоставительного анализа семантических особенностей каузативных глаголов-связок // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 2. – С. 7–12.

6. *Везнер И. А.* Трансвербализация инокультурных профессиональных концептосфер: методологический аспект // Образование в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2017. – С. 27–32.

7. *Везнер И. А.* Трансвербализация инокультурного смысла в контексте коммуникативно-деятельностной парадигмы перевода // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2019. – № 13. – С. 7–11.

8. *Везнер И. А., Везнер С. И.* К вопросу о трансвербализации глагольной категориальной семантики // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвящённых юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Козловой / под ред. И. Ю. Колесова. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. – С. 102–110.

9. *Везнер И. А.* Трансвербализация эмоционально-оценочной семантики: когнитивно-дискурсивный аспект // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – № 14. – С. 27–33.

10. *Везнер И. А.* Трансвербализация непрототипической аспектуальной семантики (на примере конструкции (to) be beginning to do) // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 30–35.

11. *Везнер И. А.* Интерпретационный потенциал высказывания и прототипическое моделирование в аспекте трансвербализации // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2021. – № 15. – С. 20–27.

12. *Иванов А. В., Сдобников В. В.* Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода // Вестник

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2020. – № 51. – С. 117–131.

13. *Ковалева Л. М.* Категория каузальности в когнитивном аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, № 1. – С. 95–102.

14. *Комиссаров В. Н.* Пособие по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1960. – 175 с.

15. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

16. *Минченков А. Г.* Подходы к переводу каузативных конструкций в рамках когнитивно-эвристической модели // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 3. – С. 8–21.

17. *Михайлюков Л. В.* Типы английских каузативных конструкций с предложно-переходными глаголами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8-1 (86). – С. 137–141.

18. *Панаите Н. Н.* Формирование основ переводческой компетенции как методическая задача начального этапа обучения // Иностранные языки в высшей школе. – 2019. – № 2 (49). – С. 85–96.

19. *Рецкер Я. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1982. – 159 с.

20. *Руденко Е. С., Акавова А. И.* К вопросу о формировании лингвистической компетенции студентов-переводчиков // Казанская наука. – 2021. – № 2. – С. 66–69.

21. *Терешина Ю. В.* Типология и межкатегориальные связи английских каузативных get-конструкций // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2007. – № 2. – С. 175–186.

22. *Терешина Ю. В.* Межкатегориальные связи каузативных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. – 22 с.

23. *Цветкова С. В., Ермакова Ю. И.* Профессиональная коммуникативная компетенция

будущего переводчика с учетом региональной специфики // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 1. – С. 54–63.

24. *Alexander L. G.* Longman English Grammar. – Longman Group UK Limited, 2003. – 374 p.

25. *Felfe M.* Schlüssel oder Peitsche? Schulgrammatik im Spagat School Grammar: A Balancing Act Between Helpful Tool and Punishment? De Gruyter // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 2020. – Vol. 48, iss. 2. – S. 336–388.

26. *Side R., Wellman G.* Grammar and vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. – Pearson Education Limited, 2011. – 288 p.

27. *Stefanowitsch A.* Constructing Causation: A Construction Grammar Approach to Analytic Causatives. – ProQuest Information and Learning, 2001. – 327 p.

28. *Thomson A. J., Martinet A. V.* A Practical English Grammar. 4th Edition. – Oxford University Press, 1986. – 384 p.

Подписано в печать 18.03.2021

Vezner Irina Anatolievna

Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the English Department, Novosibirsk State Pedagogical University, vezneru@mail.ru, ORCID 0000-0002-1281-1236, Novosibirsk

Lisitsa Inna Valerievna

Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. of the English Department, Novosibirsk State Pedagogical University, foxinna@mail.ru, ORCID 0000-0002-8899-9423, Novosibirsk

LINGUODIDACTIC ASPECT OF TRANSVERBALIZATION OF THE SEMANTICS OF THE CAUSATIVE CONSTRUCTION HAVE SOMETHING DONE

Abstract. Introduction. The professional translator-like mode of thinking is an integral part of the translation competence of a graduate of the Faculty of Foreign Languages. Equivalent and adequate translation from English into Russian requires a systematic approach to overcoming grammatical difficulties associated, first of all, with the constructions which have no analogues in the recipient language, here belong constructions of causative semantics.

The purpose of the article is to develop a prototypical model of the English non-equivalent construction have something done from the standpoint of the cognitive-discursive paradigm in the aspect of its transverbalization and translation linguodidactics.

The methodological basis of the study is the use of prototypical modeling, which involves the reconstruction of the primary cognitive-interpretative model of the situation in which it was used, and in which this construction realizes its meaning in the most complete form; this allows us to interpret and adequately translate many cases of its non-prototypical usage.

The results of the research. The contexts associated with the description of natural phenomena and natural disasters are the prototypical situations of the have something done construction, therefore, when transverbalizing sentences with this construction, the strategy should be aimed at the obligatory conveyance of the semantics of non-agentness.

In conclusion, the developed approach should be employed to improve the skills of critical analysis and reflective activity of students in the process of transverbalization and the search for a translation correlate (transverb).

Keywords: translation linguodidactics, transverbalization, causative semantics, construction have something done, translation competence, prototypical modeling, prototypical use in speech, non-prototypical use in speech, a transverb.

References

1. Arslanov, V. Sh., 2015. Some English causative constructions and their morphological and syntactic status. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 12-1 (54), pp. 19–23. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Baklagova, Yu. V., 2018. Features of predicative-argument structure of the causative construction have something done in the English language. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 11-2 (89), pp. 288–291. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Bayartueva, E. P., Timofeeva E. M., 2015. Some peculiarities of prototypical and non-prototypical constructions translation from English to Russian. *Bulletin of the Buryat State University*, 11, pp. 13–18. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Byessonov, N. Yu., 2017. Constructions with causative link-verbs in English and Ukrainian. *Cand. Sci. (Philol.)*. Donetsk, 260 p. (In Russ.)
5. Byessonov, N. Yu., 2018. Methodology of comparative analysis of semantic features of causative linking verbs. *Bulletin of the Tver State University. Series: Philology*, 2, pp. 7–12. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Vezner, I. A., 2017. Transverbalization of branch law related concepts: methodological aspects. *Education in the XXI century: problems and prospects. Prac. Sci. conf. Penza*, pp. 27–32. (In Russ., abstract in Eng.)
7. Vezner, I. A., 2019. Transverbalization of foreign cultural meaning in the context of the communicative-activity paradigm of translation. *Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages*, vol. 13, pp. 7–11. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Vezner, I. A., Vezner S. I., 2020. Preliminaries to transverbalization of verbal semantics. *Language. Culture. Personality: collection of scientific works. Barnaul*, pp. 102–110. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Vezner, I. A., 2020. Transverbalization of emotive and evaluative semantics: cognitive and discourse aspects. *Topical issues of philology and methodology* vol. 14, pp. 27–33. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Vezner, I. A., 2020. Transverbalization of non-prototype aspectual semantics (drawing on the example of the predicative construction ‘be beginning to do’). *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 1, pp. 30–35. (In Russ., abstract in Eng.)
11. Vezner, I. A., 2021. Interpretation variability and prototypical speech modelling in terms of transverbalization. *Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages*, vol. 15, pp. 20–27. (In Russ., abstract in Eng.)
12. Ivanov, A. V., Sdobnikov V. V., 2020. Development of translator competencies as the main task of translator trainers. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 51, pp. 117–131. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Kovaleva, L. M., 2007. Category of causality in the cognitive aspect. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, vol. 5, no. 1, pp. 95–102. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Komissarov, V. N., 1960. *Manual on translation from English into Russian*. Moscow: Publ. of Lit. in foreign lang., 175 p. (In Russ.)
15. Komissarov, V. N., 2002. *Modern translation studies*. Moscow: ETS Publ., 424 p. (In Russ.)
16. Minchenkov, A. G., 2017. Approaches to the translation of causative constructions within the framework of cognitive-heuristic model. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University*, 3, pp. 8–21. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Mikhailyukov, L. V., 2018. Types of English causative constructions with prepositional transitive verbs. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 8-1 (86), pp. 137–141. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Panaite, N. N., 2019. Introduction to professional translation competence as one of the objectives of the opening stage at linguistic universities. *Foreign languages in higher education*, 2 (49), pp. 85–96. (In Russ., abstract in Eng.)
19. Retsker, Ya. I., 1982. *Manual on translation from English into Russian*. Moscow: Prosvyaschenie Publ., 159 p. (In Russ.)
20. Rudenko, E. S., Akavova, A. I., 2021. The issue of developing student translator’s linguistic competence. *Kazan Science*, 2, pp. 66–69. (In Russ.)
21. Tereshina, Yu. V., 2007. *The interaction of*

categorial meanings in English causative get-constructions and their typology. Bulletin of Udmurt University. History and Philology series, 2, pp. 175–186. (In Russ., abstract in Eng.)

22. Tereshina, Yu. V., 2008. Intercategory relations of causative constructions. Cand. Sci. (Philol.). Izhevsk, 22 p. (In Russ.)

23. Tsvetkova, S. V., Ermakova, Yu. I., 2021. Professional communicative competence of the future interpreters in view of regional specifications. Siberian Pedagogical Journal, 1, pp. 54–63. (In Russ., abstract in Eng.)

24. Alexander, L. G., 2003. Longman English Grammar. Longman Group UK Limited, 374 p. (In Eng.)

25. Felfe, M., 2020. Schlüssel oder Peitsche? Schulgrammatik im Spagat School Grammar: A Balancing Act Between Helpful Tool and Punishment? De Gruyter. Zeitschrift für germanistische Linguistik, vol. 48, iss. 2, pp. 336–388. (In Germ.)

26. Side, R., Wellman, G., 2011. Grammar and vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. Pearson Education Limited, 288 p. (In Eng.)

27. Stefanowitsch, A., 2001. Constructing Causation: A Construction Grammar Approach to Analytic Causatives. ProQuest Information and Learning, 327 p. (In Eng.)

28. Thomson, A. J., Martinet, A. V., 1986. A Practical English Grammar. Oxford University Press, 384 p. (In Eng.)

Submitted 18.03.2021